

М. А. Фельдман*

**«ПРОРЫВ»: К ВОПРОСУ
О НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ Л. В. ОЛЬХОВОЙ**

ПЯТОГО СЕНТЯБРЯ 2008 г. исполняется 75 лет Ларисе Владимировне Ольховой – видному уральскому историку и педагогу высшей школы. Ни одному историку Урала не уделено столько внимания в широко известной монографии К. Н. Тарновского, подводящей определенный итог исследованиям социально-экономической истории России первых десятилетий XX в., сколько Ларисе Владимировне Ольховой¹. Новаторский вклад Л. В. Ольховой, К. Н. Тарновский видел, во-первых, в исследовании основных форм мелкого производства, как более или менее типичных для ряда районов России (промыслы, кредитная и производственная кооперация), так и специфических, характерных только для Урала, в частности, артелей бывших горнозаводских рабочих, организованных для аренды и совместной эксплуатации закрытых заводов.

Во-вторых, принципиальное значение имел вывод Л. В. Ольховой о дальнейшем развитии мелкого производства в России в первые десятилетия XX в., вопреки доминирующему на тот момент мнению. В-третьих, Л. В. Ольховая сумела доказать, что даже распространение на Урале влияния монополистического капитала (заметим, заметно преувеличенное в советской литературе), далеко не всегда сопровождалось ликвидацией мелкого производства. Напротив, приход столичных финансово-промышленных корпораций, ставших владельцами горнозаводских округов и унаследовавших феодальные привилегии, вел к консервации кустарного и ремесленного производства.

Столь лестная оценка прозвучала в адрес исследовательницы, отметившейся сравнительно небольшим числом статей² и выступлений на общесоюзных конференциях³, зафиксировавших, по точному замечанию К. Н. Тарновского, момент перехода Л. В. Ольховой от уральской к общероссийской тематике⁴. Не случайно, что К. Н. Тарновский, определяя вклад Л. В. Ольховой, чаще всего, обращался к ее диссертации. Сложилась судьба исследовательницы более удачно, материалы ее диссертации стали бы основой монографии «под докторскую». Но события 1973 г. – разгром историков «нового направления»⁵, предопределили

* Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральской академии государственной службы (Екатеринбург).

¹ Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-х – начала 60-х гг. М., 1990. С. 236–238.

² Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. С. 236–238.

³ Ольховая Л. В. Рабочая кооперация в России в 1907–1917 гг. // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917. Одесса, 1967. Часть 2. С. 98–103. Она же. Рабочая кооперация как форма организации пролетариата // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. Материалы всесоюзной научной сессии по истории пролетариата России. Ноябрь 1967. М., 1970. С. 256–270.

⁴ Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России. С. 273.

⁵ Поликарпов В. В. «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996. С. 376–379; Фельдман М. А. На пути к

прекращение научных изысканий В. В. Адамова и его школы, представителем которой являлась Л. В. Ольховая.

Обратимся и мы к анализу основного труда Л. В. Ольховой – диссертации «Мелкая промышленность Урала в начале XX в. 1905–1913 гг.», защищенной в Свердловске в 1964 г. и ставшей основой для большинства ее статей.

В диссертации Л. В. Ольховой роль мелкой промышленности в России, из обычного статистического факта, незаметно превращалась в момент политической жизни, поскольку требовала переосмысления устоявшихся догм. Сначала автор проговаривала, что в общем объеме промышленного производства России в 1913 г. доля мелкой промышленности составляла 31 %, доминируя в таких отраслях, как кожевенно-обувная – 74 %, деревообрабатывающая – 56 %, мукомольная – 60 % по отношению к общему объему продукции в каждой из этих отраслей. При этом, число занятых в мелкой промышленности (включая городских ремесленников и сельских кустарей, составляло 64 % от всех занятых в промышленности, тогда как на крупных предприятиях (под это понятие статистика, и в первые десятилетия XX в. относил предприятия с числом рабочих более 16 – при наличии механического двигателя, и 30-ти – без такового). С учетом ассортимента и масштаба производства, продукция мелкой промышленности удовлетворяла значительную часть потребностей населения⁶.

Далее закономерно следовал (подкрепленный ссылкой на В. И. Ленина) тезис, характеризующий мелкую промышленность в России, как *капитализм в начальной его стадии*. В силу длительного сохранения пережитков крепостничества в экономике в начале XX в.; огромных пространств России и неравномерного развития регионов страны, подчеркивала Л. В. Ольховая, в ряде районов и отраслей России развитие капитализма как раз и проявлялось лишь в его *начальных стадиях*⁷.

Но сколь широк был круг таких регионов и отраслей? От ответа на это вопрос зависела обоснованность вывода о преобладании в России крупного капиталистического производства, «готового к социалистической революции». Ольховая уходит (и это было естественно для того времени) от прямого ответа на поставленный вопрос. Сосредоточением мелкой промышленности в исследованиях Л. В. Ольховой выступает Урал. Однако автор сразу же отмечала: экономика Урала является наглядной иллюстрацией многоукладности экономики России, а закономерности распространения мелкой промышленности на Урале характерны и для экономики России в целом. «Наибольшее развитие мелкое производство получило в Московской, Владимирской, Пермской, Нижегородской, Тульской и других губерниях России»⁸. Вдумайся, читатель: прозвучал список губерний, традиционно относимых к разряду наиболее промышленно развитых!

Признание масштаба развития мелкой промышленности в России (по сути, доминирования капитализма в его начальных стадиях) требовало идеологического прикрытия. Такую задачу должен был выполнить ленинский тезис: «капитализм ускоряет разложение мелких производителей, выделяя из их среды проле-

исторической правде: В. В. Адамов и история рабочих промышленности Урала // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XX–XX вв. Екатеринбург, 2004. С. 72–87.

⁶ Ольховая Л. В. Мелкая промышленность Урала в начале XX в. 1905–1913 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1964. С. 2–3.

⁷ Там же. С. 3–4.

⁸ Ольховая Л. В. Указ. соч. С. 7, 8, 54.

тарские и полупролетарские элементы»⁹. Оставалось привести подобающую статистику – и безоблачный путь историка был бы обеспечен.

Однако «пристрастие» серьезных исследователей к анализу реальной статистической базы постоянно вызывало головную боль у хранителей чистоты марксистской теории. Доля наемных рабочих среди всех кустарей и ремесленников Пермской губернии (даже по подсчетам Ленина) не превышала 24,5 %. Аналогичные количественные показатели, приводимые Л. В. Ольховой¹⁰, заставляют заметно приуменьшить этот рубеж и, видимо случайно вырвавшееся у автора, выражение «мелкое производство, т. е. производство, не употребляющее наемного труда» – только гиперболу реального явления.

В ремесленно-кустарной промышленности Урала в конце XIX в. насчитывалось 256,7 тыс. человек¹¹. Для сравнения отметим, что в фабрично-заводской и горнозаводской промышленности уральского региона было занято около трехсот тысяч рабочих, но массив рабочих, соответствующих индустриальной эпохе не превышал шестидесяти тысяч человек¹².

Мало укрепляли марксистскую теорию и зафиксированные проявления технического прогресса в мелкой промышленности. По сути, единственным примером такого рода в диссертации Л. В. Ольховой прозвучал факт установки в металлообрабатывающих заведениях мелкой промышленности Нижнего Тагила трех гвоздарных станков, «один из которых был ручной, а два приводились в действие конным воротом»¹³. Логичным, в этой связи, был вывод Л. В. Ольховой: «в советской исторической литературе утвердилось неверное мнение о том, что с конца XIX в. процесс роста мелких промыслов приостановился. Такое мнение искажало картину экономического развития дореволюционной России XX в.»¹⁴.

Линия марксистской теории требовала доказательств подтверждения вытеснения мелкого производства крупнокапиталистическим и поддержки со стороны власти такого процесса. В диссертации Л. В. Ольховой звучали иные нотки. Во-первых, отмечалось «благосклонное отношение правительства, которое поощряло развитие кустарных промыслов в некоторых районах страны, в частности, на Урале». Такая позиция объяснялась кризисом крупной промышленности в уральском регионе после революции 1905–1907 гг.¹⁵ Но кризисные явления отмечались в уральской промышленности все первое десятилетие XX в. Характеризуя действия министерств по содействию мелкой промышленности Урала, Л. В. Ольховая, в духе времени, произносит обличительные слова об игнорировании нужд уральцев¹⁶. Но когда исследование уходит от перечисления комиссий и совещаний по указанной проблеме и приближается к конкретным мероприятиям, картина складывается не столь однозначной. Так в ноябре 1910 г. премьер-министр П. А. Столыпин на встрече с представителями Урала обещал внести в Государственную думу законопроект об ассигновании на завершение землеустройства и нужды мелкой промышленности Урала 2 млн. рублей. Судя по следующей стра-

⁹ Ольховая Л. В. Указ. соч. С. 109–110.

¹⁰ Там же. См.: С. 59; Приложение 1.

¹¹ Там же. С. 55.

¹² См.: Фельдман М. А., Постников С. П. Социальные трансформации и социокультурный уровень рабочих Урала в первые десятилетия XX в. // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург; М., 2004. С. 171.

¹³ Ольховая Л. В. Указ. соч. С. 61.

¹⁴ Там же. С. 25.

¹⁵ Там же. С. 68–69, 90.

¹⁶ Там же. С. 102.

нице диссертации Л. В. Ольховой, деньги действительно пришли: в 1911 г. в размере 913 тыс. рублей, а в целом, за период 1907–1913 гг. правительственные ассигнования на кустарную промышленность возросли в десять раз¹⁷. Отпущенных средств явно не хватало, для того, чтобы поддержать всех кустарей, сообщает автор. С этим легко можно согласиться, памятуя и о судьбе современных представителей малого предпринимательства.

В 1911 г. Министерство промышленности и торговли представило в Совет министров записку о мерах по облегчению быта рабочих на закрытых заводах Урала за счет землеустроительных работ и насаждения кустарных промыслов. Реализация документа, пишет исследовательница, показывает: выдача кредитов кустарям (чаще – товариществам кустарей), артелям рабочих на ряде закрытых заводов, переданных трудовым коллективам в аренду; открытие на казенные средства учебно-показательных мастерских, другие меры получили широкую, но все-таки недостаточную практику. Преодолевая идеологические каноны, Л. В. Ольховая так характеризует правительственный курс в отношении к мелкой промышленности: «это было не чиновничье недомыслие, а определенная политика, направленная на сохранение рабочей силы в будущем». Естественно, были произнесены и ритуальные слова об органической неспособности царизма вывести Урал из кризисной ситуации¹⁸.

Во-вторых, Л. В. Ольховая приводила редко встречающиеся в литературе факты действий крупных промышленников в поддержку мелкой промышленности Урала. Показательно выступление на совещании при министерстве Промышленности и торговли в июне 1908 г. управляющего синдикатом «Кровля» С. П. Армаковского, призвавшего «помочь кустарю в получении сырья и кредита; в сбыте изделий; образовании артелей; музеев; показательных мастерских»¹⁹. Заявление С. П. Армаковского не было голосом одиночки: вопрос о развитии мелкой промышленности на Урале обсуждался неоднократно в Совете съездов горнопромышленников Урала, начиная с 1902 г., причем на съездах горнопромышленников Урала 1903 г. и 1904 гг. «были намечены меры, ослабляющие в какой-то степени нажим на мелкое производство». В 1909 г. уральские горнопромышленники подали Записку о мерах, способствующих развитию мелкой металлообрабатывающей промышленности²⁰. Без сомнения, горнопромышленники заботились и собственных интересах: рабочие 30 закрытых (точнее, законсервированных) уральских заводов нуждались в трудоустройстве, а существующие законы возлагали эту проблему на владельцев предприятий. Но сами по себе шаги представителей крупного бизнеса были весьма необычны. В упомянутой Записке прозвучала и значимость мелкой промышленности: «население уральских заводов можно было обеспечить заработками лишь тогда, когда оно стало бы перерабатывать кустарным способом приблизительно половину добываемых здесь металлов»²¹.

Анализ поведения горнопромышленников Урала по отношению к мелкой промышленности позволил Л. В. Ольховой сделать тонкое замечание о двух группах предпринимателей: одна из них более широко понимала необходимость мелкого производства как составной части экономики Урала. Другая рассматри-

¹⁷ Ольховая Л. В. Указ. соч. С. 109–110.

¹⁸ Там же. С. 106, 107, 111.

¹⁹ Там же. С. 90–91.

²⁰ Там же. С. 92. Речь шла о понижении налогов и тарифов; ежегодном ассигновании до 1 млн руб.

²¹ Там же. С. 92.

вала проблему узко: только как меры помощи горнозаводскому населению в период кризиса²².

Оказали ли перечисленные меры позитивное воздействие на развитие мелкой промышленности на Урале? Ответ Л. В. Ольховой однозначен. Валовой оборот мелких промышленных заведений в наиболее индустриально развитой Пермской губернии за 1900—1913 гг. увеличился примерно в 3—4 раза. Но и для других губерний канун войны для большинства промыслов стал временем наибольшего подъема. Общая стоимость произведенных в 1913 г. уральскими кустарными мастерскими сельскохозяйственных машин и орудий определялась в 5 млн. рублей. В заводских поселках с законсервированными предприятиями кустарные промыслы составляли главный источник существования населения²³. Но такие поселки включали почти четверть горнозаводских поселений. Например, в районе Юговского завода работали 1000 портных, 4000 столяров, 300 экипажников, 200 сапожников; действовали несколько кожевенных предприятий, раздававших работу на дом. Население Невьянского завода после его закрытия относительно легко переключилось на производство кованых сундуков поделку золотых изделий²⁴. Почти удвоилось за 1904—1914 гг. количество вязальщиц пуховых платков в Оренбургском казачьем войске: с 12 до 20 тыс. а количество проданных пуховых платков выросло с 39 до 93 тыс. или в 2,5 раза²⁵.

Характеризуя процесс концентрации производства в предвоенный период, Л. В. Ольховая пишет о все большем значении в мелкой промышленности мануфактурного производства. Однако приведенные автором данные свидетельствуют скорее об укрупненных мастерских, где число рабочих в среднем не превышало шести человек. Обобщенные данные в диссертации по крупным кустарным заведениям только подтверждают это утверждение. Даже у обеспеченной части кустарей в предвоенные годы наблюдался незначительный технический прогресс, а в целом, большинство мелких товаропроизводителей работали в технически отсталых заведениях, где преобладал примитивный ручной труд и отсутствовали самые элементарные достижения техники²⁶.

Но и при таком техническом оснащении часть мелких производителей пробивалась на рынки. Л. В. Ольховая (на примере сапожных промыслов) выделяет следующие градации кустарей и ремесленников: с годовой производительностью до 500 руб. работали преимущественно на семью и родственников. От 500 до 1000 руб. работали только на заказ. Свыше 1000 рублей – на заказ и на рынок. Свыше 10 тыс. – только на рынок. На Урале по данным земских обследований 1911—1913 гг. товарным производством было охвачено примерно 2/3 производителей. Вместе с тем, половина произведенной продукции находилась в руках скупщиков²⁷.

Вовлечение в рыночные процессы должно было еще раз подтвердить тезис об «ускоренном разложении мелких производителей и непрерывным формированием из них буржуазии и пролетариата». Автор отметила концентрацию мелкого производства у ряда предпринимателей и превращение ряда кустарных заведений в «настоящие фабрики», а их владельцев – в представителей новой уральской буржуазии. Однако приведенные статистические данные о количестве

²² Ольховая Л. В. Указ. соч. С. 94.

²³ Там же. С. 130.

²⁴ Там же. С. 131.

²⁵ Там же. С. 126.

²⁶ Там же. С. 140—145.

²⁷ Там же. С. 147.

рабочих на «настоящих фабриках» (от 27 до 135 чел.) подтолкнули Л. В. Ольховую к справедливому выводу о появлении из среды кустарей группы «мелких капиталистов»²⁸. Обращает на себя внимание и отсутствие обобщенных показателей величины названной группы. Занимающийся исследованием наследия советской исторической науки, хорошо знает: отсутствие обобщенной статистики — знаковый сигнал, говорящий о расхождении теории и практики. В данном случае, о небольшом числе «новых капиталистов» из числа мелких производителей.

Бывшие кустари стали одним из источников формирования уральского пролетариата, сообщает Л. В. Ольховая. Однако на этой же странице диссертации звучит вывод о *невысоком удельном весе кустарей в пополнении промышленных рабочих*²⁹. Ссылка на источник (на Л. И. Лескову) не раскрыта. Но обращение к первоисточнику показывает: доля выходцев из мелкой промышленности была действительно не велика, составляя примерно от 1,3 до 2,7 %³⁰. Как объяснить это явление? Л. В. Ольховая обоснованно пишет о стремлении сохранить самостоятельность (в тексте: призрачную самостоятельность), а также кризисными явлениями в уральской промышленности. Весь ход исследования показывает еще одну причину: устойчивость уклада мелкой промышленности. Устойчивость не только в условиях сохранения системы полукрепостнических горнозаводских округов на Урале, но и незавершенного промышленного переворота в регионе, преобладания, в целом, аграрной экономики.

Заслугой Л. В. Ольховой стало изучение (одной из первых в России и первой на Урале) кооперативного движения мелких производителей в промышленном производстве. Отметив сравнительную немногочисленность кооперативного движения (на 1 января 1907 г. в России число членов товариществ всех видов составляло 4 % от числа домохозяев, тогда как в Германии — 50 %)³¹, Л. В. Ольховая отмечает: безработица в уральской промышленности заставила бывших рабочих создавать кооперативы для совместного производства изделий. Речь идет как о товариществах «новых кустарей», так и о производственных артелях, организованных рабочими закрытых заводов для их совместной эксплуатации путем аренды³².

Сюжет о передаче ряда закрытых заводов Урала рабочим артелям решался на уровне министерства торговли и промышленности. Чаще всего — в положительной плоскости. Поддержку такое начинание получило от ученых (И. Х. Озеров, А. Н. Микитинский); депутатов Государственной думы от социал-демократов (Н. М. Егоров). Против выступали горнопромышленники³³. Исследование аренды рабочими ряда уральских предприятий показывает, отмечала Л. В. Ольховая, что существует формальное разрешение малого предпринимательства и реальное, связанное с обеспечением топливом, кредитами, налоговыми льготами, заказами. В период 1906—1914 гг. преобладала формальная поддержка. В такой ситуации артель — трудовой коллектив закрытого предприятия, оказывался не в состоянии справиться с рыночной конкуренцией.

²⁸ Ольховая Л. В. Указ. соч. С. 154–156, 161.

²⁹ Там же. С. 159.

³⁰ Лескова. Изменения в численности и социальном составе уральских рабочих в 1914 гг. // ИЗ. Т. 67. С. 267.

³¹ Ольховая Л. В. Указ. соч. С. 162.

³² Там же. С. 181–219.

³³ Там же. С. 187–191.

Внутри арендных коллективов развернулась острая борьба между квалифицированными и неквалифицированными рабочими по поводу оплаты труда. Недолговечность производственных кооперативов становилась нормой³⁴. В принципе, эти строчки диссертации можно рассматривать и в контексте будущей, во многом стихийной, национализации на Урале 1917 г.

Касаясь связи мелких производителей с землей, Л. В. Ольховая пишет: по данным на 1912 г. до 80 % всего населения Уфимской губернии, занятого кустарными промыслами, имело земельные участки. Несколько ниже эти показатели были в Пермской губернии³⁵. По сравнению с началом XX в., число владельцев земельных участков, среди лиц занятых кустарным промыслом, на Урале значительно выросло. Можем ли мы рассматривать это явление, резюмировала автор, как свидетельство *регресса* в капиталистическом развитии промыслов?

Признаюсь: с волнением я ждал ответа на поставленный вопрос. Вся логика марксизма требовала твердого утвердительного «да». «Очевидно, нет», заключала Л. В. Ольховая: процесс отрыва кустарей и ремесленников от земли шел весьма сложным путем³⁶. Причина заключалась, по мнению исследовательницы, во все новом и новом пополнении состава мелких товаропроизводителей из числа крестьян Урала. Еще одной причиной можно назвать переходную стадию от аграрной экономики к индустриальной, с присущими для нее множеством видов и форм кустарного и ремесленного производства; с сохранением земледельческих занятий даже у городского населения.

О сокращении связи кустарей с землей, указывает автор, свидетельствует сопоставление землепользования кустарей и крестьян. Так в 1913 г. в Оханском уезде средний размер надельной, арендованной и купчей земли на одно хозяйство у кустарей был 12,9 дес. на двор, а у крестьян — 15,7 дес., т. е. на 2,8 дес. больше.³⁷ Сомневаюсь, что в 1964 г., при написании этих строк, автор пытался вложить двойной смысл в сказанное. Но сегодня отчетливо ощущаешь скрытую иронию «сухого текста»: принципиального различия между земельными наделами кустарей и крестьян обнаружить практически невозможно. Невелики были различия между показателями владельцев лошадей (соответственно, 71 % и 91,5 %) и владельцев коров (83 % и 94 %)³⁸.

Расхождение обязательных в произношении идеологических канонів и конкретной действительности заметно в утверждении о том, что грамотность кустарей, порвавших с земледелием, была значительно выше, чем у кустарей-земледельцев. Приведенные показатели грамотности (26,5 % и 20,9 %) указывают скорее на близость уровня образования, чем на его различия³⁹. Обширный материал о распространении влияния скупщиков в сфере заготовок сырья и продажи готовых изделий внезапно оборачивается выводом о превращении кустарей в наемных рабочих, работающих у себя дома на капиталиста⁴⁰.

Однако выводы Л. В. Ольховой все-таки подчеркивали самостоятельность молодого историка: давление крупнокапиталистических фирм на мелкую промышленность Урала не привели к ее сворачиванию и разложению. Напротив, факторы, способствующие прогрессу мелкого производства на Урале продолжа-

³⁴ Ольховая Л. В. Указ. соч. С. 179.

³⁵ Там же. С. 223.

³⁶ Там же. С. 224.

³⁷ Там же. С. 228.

³⁸ Там же. С. 228–229.

³⁹ Там же. С. 241.

⁴⁰ Там же. С. 243.

ли действовать. Возможно, заключала Л. В. Ольховая, что в 1900–1914 гг. вышеприведенный вывод справедлив для невысокоразвитых районов России, где процесс капиталистической перестройки не был завершен. Там развитие мелкого производства продолжалось вширь и вглубь⁴¹. Но читатель уже убедился: в диссертации речь шла о индустриально развитых районах России.

Научные труды Л. В. Ольховой убедительно доказывали справедливость выводов В. В. Адамова о сохранении многоукладной экономики Урала, в которой монополии не только не вытеснили докапиталистические формы производства, но взаимодействовали и переплетались с ними. Более того, Урал рассматривался не как «стыдливое исключение» из правил капиталистического общества, но как регион, характеристики которого были закономерны для России в целом. Это был прорыв в советской исторической науке, но подобные выводы угрожали идеологическим устоям. Догмы марксизма в 1973 г. обернулись запретом на исследования.

⁴¹ *Ольховая Л. В.* Указ. соч. С. 289.